

Арена 13. Кровь

Автор:

[Джозеф Дилейни](#)

Арена 13. Кровь

Джозеф Дилейни

Арена 13 #1

Когда-то людям принадлежал весь мир, а теперь они не могут распоряжаться и собственными жизнями. Теперь они обитают в Мидгарде, земле побежденных, огороженной Великим Барьером. И вместе с людьми здесь пребывает Хоб – древнее и жестокое существо, пьющее кровь и похищающее души. Лейф – один из тех, чья семья была уничтожена Хобом. И теперь он живет для того, чтобы отомстить. Чтобы стать тем, кто сможет выйти с Хобом на поединок – и победить. Лейф начнет с того, что будет сражаться на Арене 13...

Джозеф Дилейни

Арена 13

Кровь

Joseph Delaney

ARENA 13

Серия «Арена 13»

Copyright © Joseph Delaney, 2015

Cover illustration by James Frasher

© Penguin Random House Children`s UK, 2015

First published as “Arena 13” by Random House Children’s Publishers UK, a division of the Random House Group LTD

Joseph Delaney has asserted his right to be identified as the author of the Work.

© Овчинникова А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Правила боя

Главные правила

1. Цель боя на Арене 13 – рассечь плоть и пролить кровь. Мишени – сражающиеся люди.
2. Ни один противник не может сражаться в доспехах и иметь иную защиту. Допускаются лишь кожаные куртки и короткие кожаные штаны: плоть должна быть открыта клинку.
3. Состязание на Арене 13 заканчивается и считается выигранным, если один из противников ранен и пролилась кровь. Это может произойти во время боя или после его завершения, когда делается ритуальный порез. Если это случается во

время боя, он должен быть немедленно остановлен, чтобы предотвратить смерть или серьезные увечья.

4. В случае смертельного исхода нельзя обвинять и упрекать победителя и требовать с него какого-либо возмещения ущерба. Любая попытка наказать или ранить победившего бойца за пределами арены карается смертью.

5. Победивший получает право на ритуальный порез руки противника, если выведет из строя его лака (или лаков).

6. Побежденный боец должен смириться с ритуальным порезом. Чтобы усилить боль, в таких случаях используется вещество крансин.

7. Позорная трусость во время ритуального пореза карается тремя месяцами запрета на посещение арены. Храбрость – обязательное качество.

8. Симулакр, обычно называемый «лак», используется как для атаки, так и для защиты сражающихся людей.

9. Боец «мин» сражается позади одного лака, боец «макс» сражается позади трех лаков.

10. Первые пять минут бойцы могут сражаться позади своих лаков. Потом звучит сигнальный гонг и они должны сменить позицию и биться перед лаками, где будут открыты клинкам своего противника.

11. Лак выходит из строя, когда клинок попадает в его горловую втулку. Это называется «обрыв» – лак падает и теряет способность двигаться.

12. Бойцы Арены 13 могут также сражаться по Специальным правилам.

Специальные правила

1. Правила боя насмерть

Цель боя насмерть – убить противника. К этому бою применимы все «Главные правила», но со следующими изменениями:

- Если во время боя проливается кровь, сражение продолжается.
- После того как лак или лаки противника выведены из строя, противник должен быть убит! Можно перерезать ему горло или отделить голову от туловища – решение за победителем. Смертельный удар наносится либо победителем, либо его лаком.
- В качестве альтернативы победитель может проявить милосердие в обмен на извинения или согласиться принять денежную компенсацию.

2. Правила Турнира учеников

Цель таких турниров – улучшение навыков учеников-первогодков. Для этого их ставят против их товарищей на Арене 13. Чтобы защитить учеников и смягчить суровость реального состязания на Арене 13, вносятся два изменения в «Главные правила»:

- Ученики всегда сражаются за спинами лаков.
- Клинки, которыми делается ритуальный порез, не смазываются красным.

3. Вызов Хоба

- Когда Хоб посещает Арену 13, чтобы бросить вызов, боец «мин» должен сразиться с ним от имени Колеса.
- Все бойцы «мин» должны собраться в зеленой комнате, где при помощи лотереи будет избран тот, кому предстоит сразиться.
- К этой схватке применимы «Правила боя насмерть», за исключением одного: здесь нет места милосердию.

– Бой идет насмерть. Если боец-человек побежден, тогда его – живого или мертвого – может забрать Хоб. Бойцы, зрители и официальные лица не должны вмешиваться.

Второстепенные правила

1. Мечи нельзя приносить в зеленую комнату или в раздевалку.
2. Мечи Арены 13 нельзя использовать за пределами арены. Это правило необходимо поклясться соблюдать при регистрации. Любое нарушение карается пожизненным запретом на участие в боях на Арене 13.
3. Плевать на арене запрещается.
4. Ругаться и богохульствовать на арене запрещается.
5. Оскорблять своего противника во время боя запрещается.
6. В случае любого разногласия решение главного распорядителя обжалованию не подлежит.

Посвящается Мэри

Мертвые видят сны.

Им снится мир Ним, и они беспомощно блуждают в его темных лабиринтах в поисках того, чего никогда не могут достичь.

Но очень, очень немногим говорят слов.

Это слов, который снова призывает их к жизни.

Прокляты дважды рожденные.

Пролог

В цитадели с тринадцатью шпилями обитает Хоб. Он жаждет крови. Мы будем давать ему кровь, пока он в ней не утонет.

«Амабрамдата»,

книга пророчеств гентхаев

Хоб ждет женщину в темноте, ждет сразу за рекой, под деревьями – там, где его не может коснуться бледный свет луны. Он нюхает воздух, осторожно пробуя его до тех пор, пока ветер не доносит до него резкий запах крови. Теперь он чувствует этот запах на корне языка.

Шола одна. Ее муж и ребенок остались в фермерском доме на вершине холма. Ее сын спит; ее муж Лазарь ничем не может ей помочь.

Зов силен, – еще никогда он не был таким могучим. Шола должна ответить на призыв Хоба. Воля покидает ее, и она бежит вниз по склону, пока не оказывается у реки. Она точно знает, куда идти, и, сбросив обувь, задирает платье до колен и идет вброд по мелководью к ждущей темноте деревьев. Один раз она чуть не теряет равновесие на скользких камнях. Вода холодная и ласкает ее ноги словно прикосновения шелкового шарфа, но лоб горит как в лихорадке, и во рту пересохло.

Женщина борется с собой: она хотела бы остаться дома, с семьей, но быстро отбрасывает эту мысль. Если не явиться на зов, Хоб поднимется по склону холма к дому и убьет ее сына.

Хоб угрожал, что сделает это.

Муж не сможет защитить их ребенка.

Лучше подчиниться воле Хоба.

Сегодня ночью, когда село солнце, Лазарь принес с чердака потрепанный кожаный футляр, хромя, прошел по каменным плитам, положил футляр на кухонный стол и вынул из него два меча с изукрашенными рукоятями, сработанными в виде волчьих голов.

Это были тригладиусы – те, которыми он сражался на Арене 13 в городе Джиндин целую вечность назад.

– Не ходи к нему! – Его голос был полон гнева. – Я пойду вместо тебя. Этой ночью я изрублю тварь на куски!

– Нет! – запротестовала Шола. – Подумай о нашем сыне. Если я не пойду, Хоб его убьет, он много раз меня об этом предупреждал. Ты ведь знаешь – даже если сегодня ночью тебе удастся его убить, завтра его сменит другой. Ты не можешь сражаться со всеми ними, ты знаешь это лучше любого другого! Пожалуйста, пожалуйста, позволь мне пойти к нему!

Наконец, к облегчению Шолы, Лазарь сдался и вернул мечи в кожаный футляр. Убирая их, он плакал.

Теперь, шагнув на свет луны, она видит на фоне неба очертания Хоба. В темноте глаза его сверкают ярче звезд. Он огромен; никогда еще она не видела его таким громадным.

Шола, дрожа, стоит перед ним, сердце ее сильно колотится, а дыхание трепещет в горле словно готовая к полету душа. Она покачивается, но не падает. Теперь Хоб придвигается ближе и крепко стискивает ее плечи.

«Он просто попробует немного твоей крови, – говорит она себе. – Некоторое время сердце будет биться с трудом, а ноги – дрожать, это будет больно, но ты сможешь перетерпеть боль. Как и раньше, все быстро кончится, и ты вернешься домой, к семье».

Но теперь все по-другому. Это тот момент, которого она всегда боялась – когда он призовет ее в последний раз. Она слышала истории и знала, что рано или поздно все кончается и однажды ночью Хоб не позволит ей уйти.

Его зубы вонзаются в ее горло очень глубоко – слишком глубоко. Такой боли она не испытывала никогда прежде. Он пьет ее кровь большими жадными глотками.

Это начало ее смерти.

Когда перед глазами Шолы темнеет, в ее мозгу вспыхивают воспоминания о муже и сыне, и она погружается в волны печали и тоски по ним. Она старается не думать о них: воспоминания приносят лишь боль.

А когда Шола падает в темноту, она переживает нечто еще более ужасное. Как будто рука тянется глубоко внутрь нее, чтобы ухватить, скрутить и отпустить; тянется дальше сердца, дальше плоти, чтобы выдернуть ее сущность словно зуб.

Как будто нечто высасывает саму ее душу.

Некоторые зовут его «Старый Хоб». Другие шепчут «Страшила», чтобы напугать детей. Еще кто-то называет его «Гоб» или «Гоббли». Женщины зовут его Клыком.

Но под любым именем он – мерзость.

Такая тварь заслуживает того, чтобы ее разрубили на куски и разбросали их по ветру.

Но люди слабы и испуганны, здесь правит Хоб.

Потому что это Мидгард, земля побежденных и павших.

Это Место, Где Пребывают Люди.

Палочный бой

Палки и камни могут сломать мне кости,

Но слова куда опасней.

Сборник старинных сказок и баллад

Я наблюдал, как два палочных бойца осторожно обходят друг друга. Светловолосый парнишка был высокий и быстрый – местный чемпион, побеждавший всех пришлых. Я уже видел, как он с легкостью одолел четырех противников, однако с пятым – приземистым, мускулистым, но с удивительно хорошей реакцией – ему пришлось попотеть.

Эти бойцы казались на пару лет старше меня (им было лет по семнадцать-восемнадцать) и намного крупнее. «Смогу ли я победить чемпиона? Достаточно ли я силен?» – гадал я.

Они уже обменялись ударами, но ни один не попал в нужное место; удар в лицо или по голове принес бы немедленную победу.

Они бились на пустоши на окраине города, в кругу возбужденных зрителей, которые молотили руками по воздуху и кричали, сжимая квитанции, купленные у букмекера, издав далеко наблюдавшего за состязанием. Здесь по большей части собралась молодежь, подростки вроде меня, но были в толпе и люди среднего возраста – они так же азартно размахивали руками и кричали, поддерживая выбранного бойца.

Ставить против чемпиона было рискованно: вы вполне могли потерять свои деньги, хотя, если бы случайно выиграли, получили бы вчетверо больше поставленного. Я бы не рискнул делать ставку против чемпиона: несмотря на

сноровку противника, он казался уверенным в победе.

Впрочем, даже пожелай я поставить, я бы не смог, потому что денег у меня не было. Я шел пешком почти две недели и только что добрался до города Джиндин. Больше дня у меня не было во рту ни крошки, и мне ужасно хотелось есть. Поэтому я и пришел посмотреть на палочный бой – я надеялся принять в нем участие. Букмекер устраивал схватки, чтобы благодаря ставкам зарабатывать деньги, но платил только победителю.

Внезапно невысокий мускулистый мальчик отбросил всю осторожность и яростно атаковал, заставив противника попятиться. Несколько секунд казалось, что его напор и быстрота восторжествуют, но высокий светловолосый парнишка шагнул вперед и врезал палкой ему по губам.

Когда отполированное дерево встретилось с плотью и зубами, послышался отчетливый стук, а вслед за тем негромкое хлюпанье.

Побежденный шатнулся назад, выплевывая осколки зубов; кровь полилась из его рта и испачкала рубашку.

Что ж, вот и все. Теперь пришло мое время... По крайней мере, я надеялся, что пришло.

Я пристроился в хвост небольшой очереди зрителей, выстроившихся в ожидании своего выигрыша, а когда наконец оказался первым, уставился на букмекера. Он был наискось опоясан голубым кушаком в знак того, что его профессия – агент азартных игр. Благодаря сильным челюстям и близко посаженным глазам он выглядел крутым; кроме того, у него был жестоко сломан и расплюсчен нос.

– Где твоя квитанция? – спросил он. – Пошевеливайся, я не могу ждать весь день!

Когда он заговорил, я увидел, что у него недостает нескольких зубов, а некоторые сломаны, и догадался, что он и сам раньше был палочным бойцом.

– Я здесь не для того, чтобы заключать пари, – сказал я. – Я хочу драться.

- Ты с юга, так? – насмешливо улыбнулся он.

Я кивнул.

- Новенький в Джиндине?

Я снова кивнул.

- Раньше уже дрался на палках?

- Много раз. – Я уставился ему в глаза, стараясь не моргать. – Обычно я побеждал.

- Да неужто? – Он засмеялся. – Как тебя звать, парень?

- Меня зовут Лейф.

- Что ж, Лейф, ты не робкого десятка, в этом тебе не откажешь. Поэтому я дам тебе шанс. Можешь драться следующим. Толпе нравится свежая кровь!

Я получил свой шанс легче, чем ожидал.

Он провел меня в центр маленькой лужайки с грязной травой и положил большую мясистую ручищу мне на макушку. Потом показал на высокого светловолосого мальчика (его предыдущего противника нигде не было видно) и сделал знак, чтобы тот встал по правую руку.

- Роб снова победил! – крикнул букмекер. – Побьют ли когда-нибудь этого парня? Что ж, возможно, это случится прямо сейчас... Лейф новичок в городе. Он дрался и раньше, там, на юге. Дрался и побеждал. Может, провинциальный мальчишка сумеет кой-чему научить городских парней? Итак, идите и делайте ваши ставки!

Мгновение-другое никто не реагировал. Меня оценивали больше двухсот пар глаз: некоторые зрители ухмылялись, другие таращились на меня с неприкрытым презрением.

А я тем временем рассматривал своего противника. Его рубашка ярко белела в свете полуполуденного солнца, темные брюки и кожаные сапоги были хорошего качества, не то что моя клетчатая зеленая рубашка, грязная после путешествия, и штаны с дыркой на левом колене. Теперь люди пялились и на мои ботинки с отваливающимися подошвами. К тому же я был смуглее всех здесь собравшихся. Некоторые зрители просто качали головой и уходили. Если никто не захочет делать ставки, я не смогу драться, а мне нужно было драться и победить.

Однако, к моему облегчению, вскоре перед нами выстроилась небольшая очередь, и букмекер принял ставки.

Сразу после этого я столкнулся со следующей проблемой.

– У меня нет палки. Не мог бы кто-нибудь одолжить мне ее? – спросил я у букмекера, возвысив голос так, чтобы толпа тоже это услышала.

Я оставил свои палки дома, у моего друга Питера. Я путешествовал в Джиндин не для того, чтобы стать палочным бойцом – был уверен, эти дни для меня миновали.

Букмекер возвел глаза к небу и выругался себе под нос, а кое-кто из очереди ушел, внезапно потеряв интерес к происходящему. Но потом кто-то вложил палку в мою правую руку, и несколько мгновений спустя я оказался лицом к лицу с чемпионом, а толпа окружила нас кольцом. Я тут же увидел еще одну сложность: приближался вечер, солнце стояло уже довольно низко, и я смотрел прямо на него.

Мой противник двинулся ко мне на слегка согнутых ногах – темный силуэт на фоне солнца. Я прищурился, глядя на него, ожидая, когда он атакует, – и вот он ринулся вперед. Он был быстрым, и я едва избежал удара. Я увернулся, уйдя влево, и двинулся по кругу, а он провожал меня глазами.

Толпа начала выкрикивать его имя:

– Роб! Роб! Роб!

Они желали ему победы, я был для них чужаком.

Я продолжал идти по кругу до тех пор, пока солнце не перестало меня слепить, и тогда уставился в голубизну его глаз. Он выпрямился во весь рост, и я снова заметил, насколько он высок – он сможет дотянуться куда дальше, чем я. Мне нужно заставить его ошибиться, а потом навязать ближний бой.

Светловолосый парень снова напал, и я, нырнув, ушел от удара, когда его палка мелькнула над моим правым плечом. На этот раз он почти меня достал. К тому же полуоторванные подошвы моих башмаков с каждым шагом шлепали по влажной скользкой траве.

«Сосредоточься, Лейф, сосредоточься», – сказал я себе.

Когда он атаковал в следующий раз, я оказался недостаточно быстрым и, получив болезненный удар по правой руке, выронил палку.

Толпа тут же разразилась ликующими одобрительными криками.

Одно из правил палочного боя гласит: что бы ни случилось, ты не должен бросать оружие. Брось его – и бой все равно что закончен, ведь твой противник сможет приблизиться и ударить тебя, не боясь контратаки. Удар попал по нерву, моя правая рука онемела и теперь беспомощно висела вдоль тела.

Я начал бой довольно уверенно, помня все свои победы дома, но, возможно, недооценил ситуацию. В конце концов, в городе жило куда больше людей, чем в деревне, откуда я пришел, и резонно было предположить, что чем больше палочных бойцов, тем выше стандарты.

Роб улыбался, приближаясь с поднятой палкой. Интересно, ударит ли он мне по губам – если так, я наверняка лишусь зубов.

Толпа снова начала выкрикивать, все громче и громче:

– Беги, кролик, беги! Беги, кролик, беги! Беги! Беги! Беги!

Они смеялись, выкрикивая это. Они хотели, чтобы я сдался и убежал.

Бегство было бы вполне разумным поступком – зачем стоять и ждать, когда тебе выбьют зубы?

Я так никогда и не узнал, целил мне Роб в лоб или в губы. Я нырнул под удар, перекатился рядом с его сапогами и подхватил свою палку левой рукой. Не успел он повернуться ко мне лицом, как я уже стоял на ногах.

Потом я сбросил свои бесполезные башмаки – сперва правый, затем левый. Время как будто замедлило бег, и я услышал, как каждый ботинок шлепнулся на траву. Я растопырил пальцы ног и зарылся ими в поросшую травой землю. Так-то лучше. Я крепко сжал палку. Онемение в правой руке еще не прошло, но это было не важно: я берег эту руку, но почти так же свободно мог драться и левой. Я умел драться обеими руками.

Я атаковал.

Роб был быстрым, но и я был быстрым – очень быстрым. Может, босиком и не таким проворным, как тогда, когда носил пару добротых сапог, но вполне достаточно. Я ударил его по правому запястью, потом высоко в левое плечо – не настолько сильно, чтобы рука онемела, и он выронил палку... Зато мне удалось его взбесить, а именно этого я и добивался.

У меня самого были веские причины сердиться. Рука болела, и среди наблюдающих за схваткой людей очень немногие желали мне победы: на меня поставили человека четыре, не больше. Но палочный боец, зрение которого затуманено гневом, делает шаг к своему поражению. Сражаясь, я всегда старался сохранять спокойствие, но сейчас видел, что мой противник взбешен. Он явно редко получал удары, а может, ему было стыдно перед теми, кто его поддерживал, и он жаждал мести, – как бы то ни было, теперь я крепко его достал и он пришел в ярость. Он ринулся на меня, размахивая палкой так, будто хотел снести мне голову с плеч.

Три раза он промахнулся, потому что я играючи уходил от удара, отступая по траве. Но после третьей атаки я внезапно шагнул к нему. На секунду он полностью открылся, и я воспользовался подвернувшимся шансом.

Я мог бы ударить его по губам, – так же, как он сам ударил предыдущего бойца. Некоторые бойцы были жестокими, им нравилось как можно сильнее ранить своего противника, но я искренне любил палочный бой и предпочитал оттачивать свои навыки и быстроту, дарившие мне победу, а не наносить кровавый и эффектный удар, завершающий схватку.

Поэтому я ударил Роба с минимальной силой, просто быстро стукнул его по лбу, так что даже не потекла кровь.

Этого было достаточно.

Бывший чемпион выглядел ошеломленным. Толпа смолкла.

Я победил. Только это и имело значение.

Букмекер улыбался, выплачивая мне выигрыш.

– Ты хорош. Очень быстрый! – сказал он. – Приходи завтра в то же время, и я найду тебе противника получше.

– Может, и приду, – улыбаясь, из чистой вежливости ответил я.

Я не собирался этого делать, – бои на палках не входили в мои планы.

Теперь я мог купить еды, и у меня останется еще немного денег – достаточно, чтобы починить башмаки.

Этой ночью я спал в амбаре на краю города. Я встал на рассвете, умылся у уличной колонки, пытаюсь принять как можно более приличный вид перед задуманной мною встречей с Тайроном, одним из самых важных людей в городе Джиндин. У меня был голубой выигрышный билет, дававший право на то, чтобы меня тренировал самый лучший – а самым лучшим был Тайрон.

Я хотел, чтобы он тренировал меня для боя на Арене 13.

Тайрон Механик

Тех, кого боги желают уничтожить, они проклинаят безумием.

Тех, кому боги желают процветания, они благословляют удачей.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

– Сядь, сядь! – велел Тайрон, нетерпеливо кивнув на кресло напротив своего стола.

Но, как только я уселся, он яростно покачал головой и показал на открытую дверь за моей спиной:

– Мы же не хотим, чтобы кто-нибудь узнал о наших делах, мальчик?

Он был прав. Мы находились в общественном здании, здесь располагались конторы администрации Колеса и в коридоре за дверью сновали люди.

Я закрыл дверь, снова сел и, всеми силами стараясь быть терпеливым, принялся ждать, когда Тайрон заговорит. Я отдал свой голубой билет рано утром, объяснив, чего хочу, а сейчас до заката оставалось меньше получаса – у него была масса времени, чтобы принять решение. Что же он решил и почему думал так долго?

В комнате не было окон, с потолка свисал деревянный трехрожковый канделябр, и оплывшие желтые свечи ровно горели в неподвижном воздухе. Здесь воняло свечным салом и потом.

Тайрон перебирал бумаги, что-то разыскивая на своем обитом кожей столе. Мое кресло было куда ниже его кресла, поэтому, будь я даже с него ростом, он все равно смог бы смотреть на меня сверху вниз – я не сомневался, что это сделано нарочно.

Я мог отнести свой выигрышный билет любому тренеру в Джиндине, но предпочел предъявить его Тайрону. Похоже, во всей стране он считался самым лучшим, даже в моих родных краях люди знали его имя. Он выглядел не так, как я себе представлял: коренастый, с красноватым лицом и седеющими волосами, постриженными очень коротко, чтобы скрыть, что спереди они редеют. Его характер был написан на лице – передо мной сидел много переживший и повидавший человек.

– Послушай, мальчик, ты выиграл свое право, – наконец произнес он, взяв мой билет. – В этом я не могу тебе отказать. Но сколько он стоит?

Я не понял, о чем он. Выигрышный билет нельзя продать, его нельзя обменять на деньги. И он становился действительным только тогда, когда его проверял и подписывал смотритель игорных домов, о чем я позаботился, так что теперь билетом мог воспользоваться только я сам.

– А что, если вместо этого я найду тебе место ученика ремесленника? – предложил Тайрон, и у меня упало сердце. – Какое-нибудь симпатичное, надежное место. Город все больше богатеет, и ты мог бы стать каменщиком или столяром. А когда через пять лет срок твоего ученичества закончится, ты сможешь хорошо зарабатывать. Будешь твердо стоять на ногах. Все, что от тебя требуется, – сунуть билет в карман и забыть о нем. Я даже заплачу за твое ученичество, жилье и еду, и ты не будешь должен мне ни пенни.

С чего бы ему так поступать? Почему он так хочет от меня избавиться, что заплатил бы, лишь бы я оказался в каком-нибудь другом месте? В конце концов, если он даст мне то, чего я хочу, это ничего не будет ему стоить. Игорные дома каждый сезон содержали пять учеников, практика которых частично оплачивалась благодаря тысячам билетов, проданных подающим надежды молодым людям. Или (что случалось чаще) проданных их отцам. Голубые билеты стоили дорого.

Арена 13 в Джиндине притягивала тех, кто искал острых ощущений, шанса прославиться и заработать настоящие деньги вместо того, чтобы устраиваться на учебу к какому-нибудь ремесленнику или, того хуже, заниматься тяжелой черной работой. Это стало одной из причин, по которым я хотел там сражаться, хотя имелась и другая, более личная, но ее я не был готов раскрыть никому, даже Тайрону.

- Ну, что скажешь? - спросил он. - Каким ремеслом тебе хотелось бы заняться?

- Я хочу работать у вас, господин, - повторил я. - Хочу научиться сражаться на арене.

- Повтори-ка, как тебя зовут? - строго спросил Тайрон.

Я сделал глубокий вдох и сообщил ему это в третий раз:

- Меня зовут Лейф.

Он встал.

- Послушай, Лейф, ты мне не нужен. - Теперь он говорил громче, и в его голосе звучал неподдельный гнев. - Почему я должен давать тебе место, когда у меня под дверью шумят дюжины тех, кто уже доказал свои способности? Система такова, что твой выигрышный билет дает тебе право на тренировки, но не гарантирует, что тренировать тебя буду именно я. Ты, как и многие другие парнишки из провинции, просто пытаешься сделать свои мечты явью. А реальность отличается от той жизни, какую вы себе представляете. Еще как отличается! Держу пари, ты даже никогда не был в Колесе и не видел ни одной арены.

Я понурил голову. Он был прав. Я впервые явился в Джиндин.

- Я здесь только со вчерашнего дня, у меня еще не было случая что-нибудь увидеть.

- Кто тебя сюда привез? - требовательно спросил Тайрон. - Чья это была повозка?

– Никто меня не привозил.

– Никто? Сейчас ты скажешь еще, что пришел сюда пешком!

– Так оно и было. Я шел пешком.

– Что?! От самого Майпосина?!

Я кивнул.

Тайрон удивленно приподнял брови. Я думал, он собирается отпустить какое-нибудь недоверчивое замечание, но вместо этого он попросил:

– Расскажи-ка мне о том билете, мальчик! Кто за него заплатил – твой отец?

– Мой отец умер и мать тоже.

– Что ж, грустно это слышать. Но я задал тебе вопрос, а когда я задаю вопрос, я жду на него ответ.

– Две недели назад в Майпосин явился торговец, – начал объяснять я. – У него был большой караван из пяти фургонов, и люди со всей округи сошлись, чтобы выменивать и покупать. Под вечер мужчины начали пить. Он к ним присоединился и спустя некоторое время предложил, чтобы местные парни устроили для него какое-нибудь представление, а он вручит победителю приз. Поэтому мы начали драться на палках: трое против одного. Как обычно, я победил, но был очень разочарован, когда моей наградой стал всего лишь голубой лотерейный билет...

– Погоди-ка минутку, – перебил Тайрон. – Что ты сказал?

Мне казалось, что я выражаюсь ясно, но все-таки я повторил:

– Я сказал, что был разочарован, потому что выиграл всего лишь голубой...

– Нет, мое внимание привлекли первые твои два слова. Ты сказал, что победил «как обычно». Я не ослышался?

Я кивнул. Я не рисовался, просто рассказывал правду.

– Я был лучшим палочным бойцом в Майпосине, чемпионом. С тех пор как мне исполнилось четырнадцать, я проиграл всего один раз, потому что было мокро и я поскользнулся в грязи... Хотя это не оправдание. Если хочешь победить, ты не должен поскользываться.

– И сколько лет тебе сейчас?

– На прошлой неделе исполнилось пятнадцать.

– Итак, ты обычно сражался один против команды из трех мальчишек?

Я кивнул.

– Да, обычно один против троих, в точности как лаки на Арене 13. Но время от времени и один на один.

– Продолжай. Ты сказал, приз тебя разочаровал, – с чего бы это?

– Да просто потому, что я невезучий, – ответил я. – Никогда не был везучим. Каждый год продаются тысячи билетов, и только пять из них выигрышные. Но главный распорядитель вытянул из лотерейного барабана именно мой номер. Я выиграл! Поэтому сразу отправился в город и, как уже сказал, шел всю дорогу пешком, так что потратил немало времени, чтобы сюда добраться.

– Тот торговец – опиши-ка его! – потребовал Тайрон.

– Он был крупным мужчиной, наверное, вашего возраста, с рыжими волосами и рыжей бородой.

Тайрон медленно и глубоко вздохнул; судя по выражению его лица, описанный мной человек был ему знаком.

Наступило неловкое молчание, которому я положил конец, затараторив:

– Я шел пешком от самого Майпосина. Разве это не говорит о том, как сильно мне хочется быть здесь и сражаться на арене? Я хочу, чтобы меня тренировал самый лучший, вот почему я выбрал вас! Я хочу быть одним из самых великих и удачливых в истории бойцов, я мечтал об этом с раннего детства. Пожалуйста, дайте мне шанс! Я буду работать вашим слугой задаром, пока вы не увидите, на что я способен.

– Что ты имеешь в виду?

– Пока вы не увидите, как я сражаюсь.

– Ты не можешь сражаться, пока тебя не обучат, а я уже сказал, что не буду тебя тренировать, поэтому не собираюсь тратить время на пустую болтовню. Убирайся отсюда, мальчик, живо! Иди надоедать кому-нибудь еще! – рявкнул Тайрон, показывая на дверь.

Раздираемый противоречивыми чувствами, я встал и оттолкнул кресло, чтобы уйти. Мгновение я пристально смотрел на Тайрона, потом повернулся и пошел к двери.

– Эй! – крикнул он. – Лови!

И, когда я повернулся к нему, он выхватил что-то из-за своего кожаного пояса и швырнул в меня.

Это был кинжал.

Кувыркаясь, он стремительно летел ко мне, и клинок поблескивал в свете свечей. Прищурившись, я заметил, что кинжал нацелен на добрую пядь правее моей головы: Тайрон не хотел меня ранить, только ошеломить. Это была проверка.

Я протянул руку, схватил кинжал на лету, прошел обратно к столу и положил оружие на черную кожу, рукояткой к Тайрону. Потом медленно, неторопливо поклонился.

Когда я снова поднял голову, Тайрон смотрел прямо мне в глаза. Прошло немало времени, прежде чем он заговорил.

– Что ж, Лейф, этим ты заслужил визит в Колесо, – наконец сказал он. – Но и только. Мой двухлетний внук ловит не хуже!

3

Вонь крови

Победа отмечается ритуальным порезом плеча побежденного бойца.

Хотя в поединке нет намерения убить, бывают и несчастные случаи.

Руководство по бою на Тригладиусах

Я шел за Тайроном по узким пустынным улицам Джиндина. Уже начинало темнеть, хотя дождь, ливший как из ведра во время моего появления в городе, наконец прекратился. На сердце у меня лежал тяжелый камень. Да, хорошо будет посетить Колесо, но мне нужно больше, гораздо больше...

Все еще стояла ранняя весна, и упряжки тяжелых ломовых лошадей день-дневской тащили фургоны, заново перепахивая колеи в городе. Вдоль домов тянулись деревянные тротуары, но многие были в плохом состоянии – в одном месте не хватало досок, в другом они прогнили; кое-где вход в переулки преграждали кучи мусора. Все это сильно отличалось от города, существовавшего в моем воображении: я думал увидеть впечатляющие здания, порядок и аккуратность.

Ожидая решения Тайрона, я провел часть дня, наблюдая за движением на улицах. Я видел повозки, доверху нагруженные углем или деревом, а еще – огромные фургоны с холщовым верхом, каждый из которых служил домом

какому-нибудь многообещающему бойцу из провинции.

Сезон Триг начался сегодня и должен был продлиться до ранней осени. Мой отец, который сражался в Джиндине, рассказывал, что на это время население города почти удваивается.

Солнце все еще не зашло, но со склона холма улицы выглядели темными; лишь кое-где висели на крюках лампы. У меня было такое чувство, будто за нами наблюдают из тени. Может, Тайрон тоже это ощущал, потому что шел через город очень быстрым шагом.

Внезапно краешком глаза я заметил какое-то движение слева – там дернулась чудовищная тень, заслонив собой весь переулок. Я резко остановился. А вдруг это Хоб?

Я застыл на месте, и Тайрон обернулся, раздраженно нахмурившись:

– В чем дело, мальчик?

Я показал на тень, и он, перестав хмуриться, сделал осторожный шаг к переулку. Мгновение он стоял, вглядываясь туда, а потом поманил меня и показал на окно – теперь я заметил, что тень падает оттуда.

На темной улице светилось лишь это окно, и между занавесками я увидел человека, который таращился в переулок: широкое лицо, жестокое и грубое, сплюснутый нос, в открытом рту ни единого зуба. Этот здоровяк, хоть и беззубый, лишь недавно миновал пору своего расцвета, и пламя свечи отбрасывало его тень, превращая ее в тень какого-то гротескного великана-людоеда. За спиной мужчины стояла свеча, и он, повернувшись, протянул руку и вынул ее из подсвечника. Он поднес пламя ко рту, как будто собирался его съесть, но внезапно все его тело тряхнула судорога, он втянул воздух и, надув щеки, загасил пламя, погрузив комнату в кромешную темноту.

– Я увидел большую тень и подумал, что это Хоб, – сказал я. – Извините.

– Не извиняйся. Насколько мы знаем, это и вправду мог быть Хоб, – прошептал Тайрон, быстрым шагом двинувшись дальше. – В такую ночь Хоб может быть где

угодно. О нем рассказывают много историй, и большинство из них лишь сказки, но часто основанные на правде.

Хоб был джинном, терроризировавшим всю страну Мидгард, но здешний город являлся сосредоточием этого ужаса. Хоб жил в цитадели на высоком холме над Джиндином, и страх перед ним прогонял людей с улиц после наступления темноты. Я не отозвался на слова Тайрона. Я знал о Хобе все – да и кто не знал?

Дальше мы шагали молча.

Город стоял на склонах огромного холма, и здешние дома, как почти все дома в Мидгарде, были деревянными. Вообще-то, кроме Джиндина, в стране не было городов; мой родной Майпосин, находившийся далеко на юге, второе по величине поселение, в сравнении с ним казался крошечным. Я никогда еще не видел такого множества домов и такого лабиринта улиц. И все равно я сумел бы добраться до Колеса и сам: это впечатляющее строение, высоко вздымавшееся над городом, было видно из любой точки Джиндина – соперничать с ним могла лишь огромная темная глыба скотобойни на востоке.

В Колесе находилось тринадцать арен. А еще «Колесо» являлось средоточием игорных домов, центром деловой активности города, процветавшего в значительной степени благодаря боям на арене и азартным играм. Все остальное изобилие проистекало от окружающих ферм и скота, который продавали на рынках и гнали на бойню, чтобы кормить жителей Джиндина.

Колесом называлось громадное круглое деревянное сооружение. Его выгнутые стены уходили в небо как утес; их венчал гигантский медный купол, сейчас омытый красным заревом последних лучей заходящего солнца. Здание оказалось куда больше, чем я себе представлял, при виде него у меня перехватило дыхание. Город меня разочаровал, но Колесо превзошло все самые смелые мечты.

Над ним зловеще кружило не меньше десятка черных грифов, медленно паривших по спирали против часовой стрелки. Говорят, грифы проводят весь день, навещая бойню и повозки с мясом, но, когда солнце скрывается за Западным Океаном, они гарпиями опускаются на купол, слетаясь туда в ту пору, когда кто-то собирается умереть на Арене 13.

Подойдя к Колесу, я заметил слева и справа от входа пару здоровяков в голубой форме. Они сердито посмотрели на меня, но Тайрон прошел внутрь так уверенно, как будто вообще их не заметил.

Я был потрясен, после прохладных, тихих, безлюдных улиц оказавшись в жарком, шумном, забитом людьми Колесе, где пот почти ощущался на вкус. Прорва зрителей толкалась и пихала друг друга, и громкий гул разговоров эхом отдавался от высокого потолка. Голова шла кругом от возбуждения. Никогда еще я не видел столько людей в одном месте, и все они отчаянно старались пробраться куда-то без очереди, но толпа снова и снова отпихивала их. Человек останавливался лишь затем, чтобы обменять монеты на квитанции, и я знал, что это означает: люди делали ставки на возможных победителей на разных аренах.

Я на мгновение остановился и уставился вверх, на изнанку массивного купола, совершив тем самым большую ошибку.

Когда я снова опустил глаза, Тайрон почти исчез из виду, оставив меня позади, а ко мне направлялся крупный мужчина с мрачным лицом, опоясанный наискось красным кушаком. У него на поясе висела дубинка, и я не сомневался, что он не собирается дружески меня поприветствовать. «Это из-за моей одежды?» – озадаченно подумал я. Здоровяк тарасился на меня так же сердито, как и охранники снаружи. Перед тем как войти, я заметил очередь у Колеса – может, в отличие от Тайрона, обычные люди должны платить за вход?

Тайрон вернулся как раз вовремя и схватил меня за руку. Человек поклонился ему:

– Извините, господин, я не понял, что он с вами.

Механик коротко кивнул, и мужчина удовлетворенно зашагал прочь.

– Красный кушак говорит о том, что он – распорядитель, представитель дирекции Колеса, – объяснил Тайрон. – Здесь слово таких людей – закон. Снаружи, как ты только что видел, заправляет охрана, гвардия Протектора, здоровяки в голубой форме, которых тебе лучше не задевать.

Протектор правил нашей страной. Его редко видели за стенами его дворца, и мельком видевшие говорили, что он похож на мужчину средних лет, но насчет

его происхождения ходили разные домыслы; некоторые верили, что он джинн. И уж наверняка он жил слишком долго для человека.

– Раньше я не часто встречал охранников, – сказал я Тайрону.

– Само собой, в провинции-то. Ну а здесь другое дело, совершенно другое: несколько тысяч гвардейцев живут в бараках к северу от города. Веди себя тихо и никогда не смотри им в глаза, это главное. Им скучно, и иногда только такой повод и нужен, чтобы к тебе придраться.

Тайрон провел меня в узкую дверь, за которой оказался пролет ведущих вниз крутых каменных ступеней.

– Следуй за мной, мальчик, – сказал он и зашагал вниз. – Прежде чем мы посетим арену, я хочу показать тебе кое-что.

Спустившись по лестнице, мы вошли в большой подвал, огромный мрачный склеп, освещенный единственной мерцающей свечой рядом с дверью. Подхватив свечу, Тайрон двинулся к длинной скамье у дальней стены, и во рту у меня пересохло от страха, потому что на этой скамье, похоже, лежало несколько мертвых тел.

Это что, морг? Зачем Тайрон меня сюда привел? Я-то думал, я здесь для того, чтобы увидеть сражение.

– Это некоторые из моих лаков, – сказал Тайрон, показав на скамью. – Ими пользуются работающие на меня бойцы Арены 13.

Я почувствовал себя дураком. Конечно же, это лаки! И все-таки мной овладело беспокойство. Я видел, что некоторые лаки укрыты лишь простынями, но Тайрон подвел меня к тому, который был облачен в полный доспех. Лак лежал на спине в кольчуге, шлеме, маске и в защитных пластинах на плечах, руках, груди и коленях.

В Майпосине я встречался с людьми, которые, как и мой отец, работали в Джиндине и видели лаков, однако их рассказы не смогли подготовить меня к тому, что смутило меня сильнее всего: к вони этих созданий. В ней ощущалась

омерзительная смесь разных запахов: звериный запах, напоминавший о мокром псе, запахи гниющей растительности и грязной соломы, а еще – слабая вонь экскрементов. Интересно, что едят лаки и моются ли они когда-нибудь? Я столько еще не знал!

– Перед тобой симулакр, но все называют его просто «лак». У этого существа человеческое обличье, его плоть похожа на нашу: если его порезать, – потечет кровь, если ударить, – будет синяк, но разум его сильно отличается от человеческого. Он не осознает все так, как осознаем мы. Его поведение и поступки основываются на информации, полученной с помощью языка шаблонов. У него – языка, который используется людьми.

Большую часть того, что рассказывал Тайрон, я уже знал, но все равно внимательно слушал, стараясь ухватить малейшие частицы новых знаний.

– Человеческим бойцам не разрешается носить на арене доспехи, – продолжал Тайрон, – но лаки – другое дело. Здесь одна важная часть доспеха до сих пор отсутствует. Посмотри...

У лака была толстая мускулистая шея, и в том месте, куда показал Тайрон, я увидел вертикальный разрез, темно-багровую рану, выделяющуюся на белой коже.

– Это горловая щель. А это втулка, которая точно входит в нее...

Тайрон нагнулся, подобрал большой ошейник, плюнул на узкую металлическую втулку и осторожно опустил ошейник на горловую щель лежащего создания. Когда он это сделал, лак издал стон, исходящий откуда-то из недр живота. Опустив ошейник, Тайрон тут же защелкнул его на широкой шее. Там все еще оставалась брешь, куда мог войти клинок, но шею лака теперь защищал металл.

– Щель остается слегка приоткрытой, чтобы принять клинок, – объяснил Тайрон. – Но благодаря металлическому доспеху тело лака нельзя рассечь, и обычно остаются только небольшие синяки. Металл защищает мягкую плоть, и благодаря ему легче точно вогнать клинок. Конечно, втулка смещает и сдавливает пищевод, причиняя некоторые неудобства, и большинство считают, что это заставляет лаков не затягивать бой. Эта часть доспехов всегда подгоняется последней – и первой снимается. Когда клинок входит в горловую

втулку, он вызывает полную остановку нервной системы побежденного создания, – то, что у нас называется «обрыв», – но это не убивает лака, как убило бы человека. Вытащи клинок, – и с помощью слов лак сможет прийти в себя и будет снова готов к бою.

Мне все еще было не по себе, но я подумал, что, если хочу сражаться на арене, мне придется привыкнуть работать с такими существами.

Теперь Тайрон положил ладонь на металлический доспех, закрывающий лоб лака.

– Очнись! – негромко приказал он.

Лак резко сел, вытянув руки, словно человек, пробуждающийся от сна. Он сделал глубокий вдох, и за узкой горизонтальной щелью его маски замигали глаза. У создания был угрожающий вид; у меня ёкнуло сердце, и я поймал себя на том, что делаю шаг назад. К счастью, Тайрон вряд ли это заметил, потому что все еще смотрел только на лака.

– Самопроверка! – рявкнул он. – Теперь я приказал лаку заняться проверкой своего разума и тела; он изучает комплекс шаблонов, который дает ему навыки, необходимые для сражения на арене.

Я кивнул, хотя на самом деле понимал не все, что говорил Тайрон. После того как я покинул дом, меня впервые ошеломила сложность задачи, которую я перед собой поставил. Очевидно, выражение лица меня выдало, потому что Тайрон улыбнулся:

– Со временем ученики получают навыки шаблонирования, но для начала работают с лаками, которым уже задали шаблоны и выдрессировали.

– Он нас видит? – нервно спросил я, всматриваясь в мерцающие глаза лака.

– О, прекрасно видит. И он умеет думать. Но всеми его мыслями правят шаблоны, заданные с помощью слов. Он не понимает, кто мы. Некоторые люди считают, что их называют «лаками» потому, что их кожа лишена волос и блестит, словно лакированная. А еще люди уверены, будто у лаков вовсе нет

личности, нет способности по-настоящему думать и сознавать, но все это полная чушь. Пятьсот лет назад первый мастер механик задал шаблоны лакам, которые тогда были живыми и разумными существами, обладающими сознанием, как ты и я. Мы больше не умеем создавать новых лаков и новые слова; со временем те знания, к несчастью, были утрачены. Лак быстрее и сильнее человека, но всегда помни, что при этом он не человек, поэтому не беспокойся на сей счет. Так или иначе, мальчик, пойдем-ка теперь посмотрим на пару арен.

Мы покинули подвал и поднялись по ступенькам.

Когда мы шагнули за дверь, нам пришлось пробиваться сквозь толпу, и я не только услышал, но и ощутил ее возбужденный гул. Тайрон показал наверх.

– Над потолком – большой круглый холл, там вывешивают списки бойцов, которым предстоит сражаться, – объяснил он. – На этом этаже пол разделяется как спицы колеса, на тринадцать полей сражений, в каждое из которых можно попасть по системе коридоров внутри внешних стен.

Было трудно расслышать, что говорит Тайрон, не только из-за толкавших нас людей, которые, проходя мимо, кричали, чтобы быть услышанными: теперь до меня доносились еще и отдаленный ревуший речитатив, ободряющие крики и нечто, напоминающее ритмичный непрерывный бой барабана.

Тайрон повел меня в первую зону, и я увидел, что каждая из «спиц» находится на двух этажах. Под нами была деревянная коробка без окон, с открытым верхом, а над ней стояли зрители, глядя вниз на представление.

Мы присоединились к толпе, где люди толкались из-за мест на покато балконе. Тех, что стояли впереди, крепко прижимали к металлическим перилам; мне казалось, они рискуют как минимум переломать себе ребра, и я обрадовался, что Тайрона, похоже, вполне устраивали места в заднем ряду.

Почти все зрители были мужчинами, грубыми и громогласными – они выкрикивали непристойности и сплевывали вниз, на арену. По толпе пробегали волны гнева и возбуждения, словно она была одним огромным чудовищем с мириадами спин, но с крошечным мозгом.

Тайрон показал вниз, мимо зрителей:

– Вот там, мальчик, и происходит бой.

Маленькая квадратная арена внизу вряд ли была больше, чем десять на десять шагов. На ней я увидел две огромные неуклюжие фигуры, облаченные в грубые бронзовые доспехи: эти двое сшибались, дико стискивая друг друга, размахивая руками, сталкиваясь головами и громко рыча.

– Здесь, на Арене 1, можно хорошо заработать! – прокричал мне в ухо Тайрон. – Некоторые из моих учеников занимаются только тем, что задают шаблоны лакам – таким, как эти. Поэтому, если у тебя достаточно мозгов, не нужно соваться на Арену 13. Почему бы не позволить лакам биться вместо тебя? На всех остальных аренах лаки дерутся друг с другом, а люди вообще не вмешиваются в бой. Только на Арене 13 ты рискуешь жизнью!

Две бодающиеся внизу твари были такими же созданиями, как и то, которое мы только что изучали в подвале.

Положив ладонь на мое плечо, Тайрон направил меня с балкона обратно в длинный изогнутый коридор, и мы пошли по часовой стрелке, мимо открытых дверей, ведущих на другие арены.

– Двигайся по часовой, – сказал Тайрон. – Когда идешь по кругу, на каждой арене демонстрируется все более высокий уровень навыков боя. Люди, которым эта игра в новинку, начинают с того, что задействуют своих лаков на самом низком уровне, а потом постепенно продвигаются вверх. Некоторые не добиваются успеха – или не хотят добиваться, – но самые лучшие добираются до Арены Тринадцать, где идут сражения Тригладиуса.

Теперь он говорил почти шепотом.

– «Тригладиус» – древнее слово, означающее «три меча». Но, если не считать официальных поводов, все называют его просто «триг».

Отец объяснил мне, как происходят сражения на Арене 13. Вообще-то он говорил об этом, не переставая, вплоть до тяжелых, кошмарных месяцев перед своей смертью, случившейся больше трех лет назад.

Один боец-человек стоит позади трех лаков – известных как триглад – в так называемой позиции «макс», в то время как его противника защищает один лак в так называемой позиции «мин». Это кажется нечестным, но так уж заведено. Ясно, что одиночке гораздо труднее победить троих, и, таким образом, у второго бойца всегда меньше шансов. В том-то и заключается азарт. Если ты поставишь на бойца «мин» и он выиграет, ты тоже выиграешь – кучу денег.

Я знал, что мой отец был бойцом «мин». Требуются огромное умение и быстрота, чтобы победить в позиции «мин», поэтому именно этим хотел заниматься и я. Я хотел стать лучшим.

Наконец Тайрон открыл дверь, и я сделал глубокий вдох, когда мы шагнули на зрительский балкон.

– Вот мы и пришли.

Арена 13 оказалась куда больше, чем я ожидал после того, как увидел первую арену: пятьдесят шагов в длину и двадцать пять в ширину. Благодаря крутому подъему с балкона легко было смотреть вниз. Здесь не было стоячих мест, но все равно собралось по меньшей мере две тысячи зрителей.

Стоящие ярусами сиденья, обтянутые богатой красной кожей; наружные колонны, украшенные сложной резьбой; факелы с орнаментом из золота и серебра; выгнутые стены из ценного красного дерева – и витающий повсюду запах дерева и кожи, наводящий на мысли о традициях, лоске и манерах.

Балкон казался переполненным, но Тайрон уверенно спустился в первые ряды. Его хорошо знали, и люди махали или кивали ему, когда мы проходили мимо. Добравшись до первых рядов, мы стали протискиваться к нашим местам, а люди тянулись и радостно похлопывали Тайрона по спине и с любопытством рассматривали меня.

Чем ближе мы подходили к перилам, тем роскошнее становились наряды зрителей. Я не мог отвести глаз от женщин, разодетых в богатые шелка, – ничего подобного я еще не видел ни в городе, ни за его пределами. Они румянили щеки, в волосы искусно вплетали ленты, губы у всех были накрашены черным. Женщин сопровождали мужчины в надетых наискось кушаках разных цветов.

– А зачем кушаки? – спросил я у Тайрона, когда мы заняли свои места.

– Некоторые указывают на ранг, но по большей части это просто официальные кушаки различных торговых гильдий: у оружейников – зеленый, у мясников – коричневый и так далее, – объяснил он.

– Почему же вы не носите кушак? – спросил я.

Он показал на свой широкий кожаный пояс с бронзовой пряжкой, на которой была изображена цифра 13.

– Это говорит всем, кто я такой, мальчик. Здесь моя территория, здесь сражаются бойцы из моей команды. Я – лучшее, что есть в этом городе. Я не хвастаюсь, это чистая правда.

Сладкий аромат женских духов плыл в неподвижном воздухе, смешиваясь с запахом дерева и кожи. Но теперь я ощутил и еще кое-что: в основном запах пота, да, но в придачу нечто металлическое и кислое.

Вздрагнув, я понял, что это вонь крови.

4

Бой насмерть

Бои насмерть обычно заканчиваются отсечением головы, иногда – перерезанием горла. Эти методы предпочтительней.

Множественные порезы и раны делают смерть неаккуратной.

Руководство по бою на Тригладиусах

Повсюду царило возбуждение. Оно звенело в воздухе, трепетало на губах женщин, отзывалось нервными движениями в беспокойных руках мужчин. Но я волновался сильнее всех. Наконец-то я смотрю на Арену 13! Я дрожал всем телом от предвкушения. Мне хотелось задать множество вопросов, но я не отваживался заговорить, зная, что или начну заикаться, или ляпну глупость. Тайрон испытывал меня, и надо было выглядеть уверенно и говорить твердо.

Деньги переходили из рук в руки, – много денег. Агенты азартных игр, энергично орудовавшие в проходах, принимали ставки, утверждая последние фантастические пари и раздавая красные квитанции.

Наши места находились в первом ряду. Внизу на арене с высокого потолка медленно спускался огромный канделябр с тринадцатью факелами, отбрасывая мерцающий желтый свет на бойцов, которые уже вышли из двух дверей – дверей «мин» и дверей «макс» – и занимали свои места. Вот-вот должна была начаться первая схватка.

Где-то стал бить невидимый медный барабан: медленный, размеренный ритм походил на удары чудовищного сердца.

Между бойцами ходил высокий человек в черном, опоясанный красным кушаком. Барабан внезапно смолк, и на зрительском балконе воцарилась тишина.

– Это Пинчеон, главный распорядитель, – прошептал мне Тайрон. – Он заведует всем Колесом, но на Арене 13 его обязанности по большей части церемониальные. Он выйдет оттуда до начала боя. Если во время схватки возникнет проблема, он отдаст необходимые приказы.

Главный распорядитель зашагал между двумя группами бойцов, стоящими друг напротив друга. Лаки были с головы до пят в металлических доспехах (точно таких же, как на их сородиче, которого Тайрон показывал мне внизу) и смотрели сквозь горизонтальные щели в шлемах.

Два человека позади своих лаков были без доспехов – только короткие кожаные штаны выше колена и куртки чуть ниже подмышек. Отец рассказывал мне и об этом: незащищенная плоть служила мишенью для клинков лаков.

Театрально вскинув руки, Пинчеон посмотрел вверх, на нас, и громко обратился к зрителям:

– Это Арена 13! – Это бой насмерть! Пусть те, кто умрут, умрут с честью. Пусть те, кто выживут, помнят их. Да начнется бой!

Я не ослышался? Что происходит? Я не верил своим ушам. Почему они дерутся насмерть?

Я увидел, что двое бойцов – всего лишь мальчики, ненамного старше меня. Я посмотрел на Тайрона, пытаюсь перехватить его взгляд, но он пристально глядел вниз на арену.

Главный распорядитель повернулся и двинулся к двери «макс». Остановившись за порогом, он поднес к губам длинную серебряную трубу и выдул протяжную пронзительную ноту. В тот же миг обе двери с грохотом захлопнулись.

Толпа не издавала ни звука. На арене внизу никто не двигался.

– Какого цвета квитанции продавали букмекеры, мальчик? – спросил Тайрон.

Мне не нужно было гадать, я заметил квитанции, как только мы вошли.

– Красные, – ответил я.

– Да, красные, мальчик, потому, что это бой насмерть. Ты слышал, что сказал главный распорядитель. В таком бою обычно кто-то погибает. Вот почему я привел тебя сюда: мне хотелось, чтобы ты увидел, как скверно может все обернуться.

– Но почему они сражаются насмерть? – спросил я. – С чего бы им так поступать?

– Иногда бойцы спорят из-за женщин. А нынешний случай – полнейшая глупость. Однажды ночью эти двое напились, обменялись оскорблениями, – и пошло-поехало. Они наговорили друг другу много резких слов, поэтому решили уладить дело здесь. И теперь прольется кровь!

Лаки сошлись – яростно, с оглушительным лязгом металла о металл, и боец «мин», похоже, сразу попал в переплет. Он отчаянно топал по доскам, отдавая команды своему единственному лаку, которому нелегко было защищать его от клинков, пытающихся рассечь тело.

Отец и вправду сражался на этой арене. Он рассказывал мне, что боец управляет действиями своего лака, стуча по полу ботинками. Это был звуковой код, система под названием Улум.

– Боец-человек, которому приходится туго, – Каньюс, – сказал Тайрон, качая головой. – И если дело так пойдет и дальше, он долго не продержится. Сандор слишком хорош для него.

Было ясно, что противник Каньюса, сражающийся за спинами трех лаков, подготовлен гораздо лучше. Сперва схватка только в том и заключалась, что Каньюса непрерывно оттесняли назад. Потом ситуация наконец изменилась: Каньюс как будто взял себя в руки, и битва пошла почти на равных.

Начался быстрый замысловатый танец. Я стал улавливать его рисунок, и меня почти загипнотизировала ритмичная смена приливов и отливов. Острые клинки сверкали в свете факелов, и пот блестел на лбах двух сражающихся людей, которые осторожно танцевали за спинами защищавших их лаков в доспехах.

– На это стоит посмотреть, – оживленно прервал мои мысли Тайрон. Ситуация на поле боя снова изменилась. – Приглядишься к трем лакам Сандора. Они занимают позицию, которая называется «стек».

Теперь Сандор был зажат между двумя своими защитниками-лаками: один стоял перед ним, другой – позади. Они как бы образовали диаметр колеса, которое начало вращаться, сперва против часовой стрелки, потом по часовой. В это время третий лак Сандора ринулся в яростную атаку, отогнав Каньюса к дальней стене.

А потом, ошеломив меня, ударил гонг; звук отозвался вибрацией в полу. Услышав его, бойцы прервали схватку и сменили позиции.

Теперь два человека стояли перед своими лаками, а не за ними.

Что происходит? Отец никогда мне о таком не рассказывал!

– Теперь схватка становится еще опаснее, мальчик, – объяснил Тайрон. – Спустя пять минут сражения за спинами лаков бойцы должны оказаться лицом к лицу друг с другом, чтобы открыться клинкам противника и его лака – или лаков!

Бой возобновился, и мне показалось немыслимым, чтобы два сражающихся человека могли протянуть больше нескольких секунд. В конце концов, лаки были в доспехах, а люди – всего лишь в коротких штанах и куртках. Наверняка их порубят на куски...

Но, хотя эти двое отчаянно пытались искромсать друг друга, они, похоже, никак не могли сблизиться, потому что руки лаков были намного длиннее человеческих. Двое парней танцевали, почти касаясь спинами своих лаков, а те тянулись вперед и отражали любую атаку.

Так продолжалось несколько минут. «Сколько времени еще пройдет, прежде чем одного из них тяжело ранят?» – гадал я.

Едва у меня мелькнула эта мысль, как Каньюс получил сильный удар, заставивший его отшатнуться назад, к своему лаку; их отбросили к самой стене арены.

Получив еще одну рану, Каньюс завопил пронзительнее трубы, когда в нее дул главный распорядитель. Казалось, такой высокий звук не может вырваться из человеческого горла. Сверкнули мечи, и я увидел, как клинок погрузился в горловую втулку лака Каньюса. Потом клинки снова принялись кромсать человеческое тело, и кровь брызнула во все стороны.

Зрители ревели от возбуждения. Почти все вскочили на ноги, но мы с Тайроном остались сидеть. Я остолбенел от ужаса, а он покачивал головой, глядя на происходящее внизу.

Лак в доспехах и человек соскользнули по стене, но не успели рухнуть у ее подножия, как клинки, описав дугу, устремились вниз, рассекая тело вопящего Каньюса.

Под ним начала растекаться кровавая лужа, она поползла по доскам, и его крики стали слабеть.

Наконец толпа смолкла. Все, что я слышал, – это тихие скулящие стоны умирающего бойца, а спустя несколько секунд стихли и они.

Я невольно заметил, как ведут себя зрители вокруг. Некоторые таращились с разинутыми ртами, распахнув горящие глаза, чуть ли не капая слюной при виде человеческой смерти. Другие, например старик слева от меня, просто печально качали головой. Я услышал, как старик бормочет себе под нос: «Неаккуратная».

Под нами победитель поднял руки, принимая аплодисменты; мертвеца тем временем без церемоний утаскивали прочь. Кровавый след отмечал его путь с арены.

– Ночные сражения только начались, – сказал Тайрон, – но, думаю, пока ты повидал достаточно.

Он встал, жестом велел мне следовать за ним, и двинулся к двери. Поднявшись по рядам амфитеатра, мы добрались до выхода.

– Люди умирают на Арене 13, – Тайрон говорил медленно и веско. – Это не главная цель боя, но такое случается. Ты видел пятна на полу: это кровь. Некоторая очень старая. А кое-какие пятна остались после прошлого сезона. И скоро добавятся новые.

Он остановился и пристально посмотрел мне в глаза.

– Теперь ты образумился и передумал, мальчик? – спросил Тайрон.

Я открыл рот, чтобы ответить, но не успел заговорить, как он длинно вздохнул.

– Я вижу ответ на твоем лице! Твои глаза сверкают от возбуждения. Даже после того, что я рассказал, даже после того, что ты видел, ты все-таки не передумал, верно?

Я кивнул:

- Я хочу сражаться на Арене 13.

- В упрямстве тебе не откажешь. И как я ни старался, мои слова тебя не отпугнули. Через это проходят все мои потенциальные ученики - я должен быть уверен, что они горят желанием стать бойцами.

Я ощутил прилив радостной надежды. Он собирается меня принять?

Тайрон кивнул:

- Так и есть, мальчик. Давай вернемся в мой дом. Есть хочешь?

Я кивнул.

- Что ж, нынче вечером ты поужинаешь на славу. Все мои ученики хорошо едят.

5

Два важных правила

Боги вознаграждают честолюбие, потому что без него мы всего лишь пыль.

«Амабрамсум»,

книга мудрости гентхаев

Мы шли к дому Тайрона, и улицы менялись. Они тянулись вверх, и я заметил, что деревянные тротуары здесь стали намного лучше. Спустя некоторое время им на смену пришли каменные плиты, земляные дороги сменились более широким гаревым, а потом мы оказались на аллее, где росли деревья со свежей зеленой листвой. Тут жили процветающие горожане.

Немногие из здешних деревянных домов имели больше одного этажа, но дом Тайрона оказался четырехэтажным – самым высоким из всех, какие я видел в Джиндине. Тайрон вытащил из кармана ключ, отпер дверь, шагнул внутрь и повернулся ко мне лицом, словно преграждая путь.

– Я дам тебе испытательный срок в один месяц, – сказал он. – Дни будут тянуться долго. Ты станешь изучать и практические навыки боя, и теорию Ним, а в конце дня – основы математики. Кроме того, будут и другие предметы, включая историю.

Итак, он это подтвердил, сомнений быть не могло: я получу возможность, о которой мечтал!

– Тебе надо запомнить два важных правила: во-первых, я не позволяю своим ученикам пить спиртное. Алкоголь притупляет разум и замедляет реакцию – а это последнее, что нужно бойцу Арены 13. Если я поймаю тебя на выпивке, вышвырну вон. Во-вторых, перед тем как впервые войти на арену, ты должен будешь дать клятву – это закон. Тебе предстоит поклясться перед главным распорядителем никогда не пускать в ход клинок за пределами арены. Однако я пошел дальше и запретил также палочный бой. Таково мое личное правило для тех, кто на меня работает, понимаешь? Или выдержать такое не под силу лучшему палочному бойцу Майпосина? – сухо спросил он.

– Могу я узнать, почему вы запрещаете бои на палках? – ответил я вопросом на вопрос.

Тайрон приподнял брови, и на мгновение мне подумалось, что сейчас он велит мне проваливать. Но потом лицо его расслабилось.

– Чтобы преуспеть в сражениях на палках, нужны навыки и быстрота, но такого рода бой по большей части хаотичен. Ты не можешь позволить себе биться так на Арене 13 – чтобы работать заодно с лаками, нужна дисциплина. Палочные бои порождают дурные привычки, которые могут дорого обойтись бойцу на Арене 13. Не все думают так же, как я, но в своей команде я ввел это правило, поэтому снова спрашиваю тебя, Лейф, – будешь ли ты ему подчиняться?

Я кивнул и ответил:

– Я буду подчиняться вашим правилам. – Мое сердце стучало от возбуждения. – Я отдал свои боевые палки, перед тем как отправиться в город. Спасибо, что даете мне шанс показать себя. Обещаю: я вас не подведу.

– Что ж, мальчик, – кивнул Тайрон, – твои тренировки начнутся завтра, а сейчас пора ужинать. Пока сойдет и твоя теперешняя одежда, но утром я подберу тебе что-нибудь получше.

Мы вошли в комнату, служившую столовой, и я увидел, что ужин уже подан. Тайрон явно был богатым человеком и мог себе позволить держать слуг: они хлопотали у длинного стола, расставляя блюда с горячим дымящимся мясом и овощами. Еда пахла потрясающе, и у меня потекли слюнки.

– Знакомьтесь, это Лейф, мой новый ученик, – показав на меня, сказал Тайрон сидящим за столом. – К сожалению, его отец и мать умерли, поэтому он прибыл сюда один. Я уверен, что он будет хорошо учиться. Давайте поприветствуем его!

Это объявление встретили улыбками, но никто не заговорил. Тайрон сел во главе стола, показав мне на другой его конец, и, пока мы ждали, когда слуги закончат накрывать, представил мне собравшихся.

– Это моя дочь Тина, – он кивнул на молодую женщину, сидящую справа от него. – Она четыре года как замужем и уже подарила мне первого внука. Но ты не познакомишься с ним до завтра, потому что его уже отправили в постель.

– Рада познакомиться с тобой, Лейф, – дружески улыбнувшись, сказала Тина. – Надеюсь, ты будешь здесь счастлив. Теперь мы станем твоей семьей.

Она была очень привлекательной женщиной, со светлыми волосами и голубыми глазами, и я с первого взгляда понял, что она сердечная, щедрая и очень искренняя. Она мне сразу понравилась.

– А это ее муж, Керн, – Тайрон положил руку на плечо мужчины, сидевшего напротив Тины. – Он собирается открыть свой пятый сезон на Арене 13 и в нынешнем году должен превзойти свои прежние успехи, заняв в состязании первые места. С ним ты познакомишься очень близко, потому что он будет принимать участие в твоих тренировках.

Керн – высокий, с очень темными волосами – казался таким же открытым и дружелюбным, как и его жена.

– Не терпится поработать с тобой, Лейф, – сказал он, и, судя по его виду, это были не просто слова.

Я было вздохнул с облегчением, но тут Тайрон начал представлять остальных, и ощутимо повеяло холодком. Двое парней примерно моего возраста или чуть постарше уставились на меня, приподняв брови.

– Все мои новые ученики первый сезон живут под моей крышей, а потом получают жилье в Колесе. Это Палм, – Тайрон показал на мальчика со светлыми, коротко постриженными волосами, который сидел очень прямо. Если бы мы оба стояли, он наверняка смотрел бы на меня сверху вниз: в нем чувствовалось какое-то высокомерие. – Палм – старший и более опытный, за его спиной уже несколько месяцев тренировок. Он хочет сражаться позади трех лаков. К счастью, его отец может себе это позволить – покупать и снаряжать лаков очень затратно.

Палм кивнул мне и выдавил улыбку, не коснувшись его глаз. Я почувствовал, что он мне не рад.

Другого мальчика, поменьше, представили как Дейнона. Он был смуглее, с мышиного цвета волосами, очень тонкий, с неуверенными манерами и как будто чувствующий себя не в своей тарелке. Хотя он приветствовал меня дружелюбнее Палма, глаза его смотрели настороженно.

– Хорошо, давайте начнем. Угощайтесь! – пригласил Тайрон, посмотрев прямо на меня. – Тренироваться на полный желудок – дурная привычка, поэтому завтрак у нас легкий, а в полдень мы только слегка перекусываем. Итак, поедим как следует, потому что ужин – главная трапеза дня.

Меня не нужно было приглашать дважды; я навалил себе на тарелку ломти мяса, горы картошки и овощей и не постеснялся с подливкой. Все пили воду, но я заметил, что Тайрон, несмотря на правила для учеников, пьет красное вино.

За дальним концом стола разговаривали и смеялись. Я бы предпочел поболтать с Тайроном, Керном и Тиной: двое мальчиков рядом со мной были слишком заняты

едой, чтобы разговаривать, и я боялся, что сблизиться с ними будет непросто.

Мое внимание привлек стук открывшейся двери, я вскинул глаза от тарелки и увидел, что в комнату кто-то вошел и занял место рядом с Тиной. Это оказалась темноволосая девочка примерно моего возраста, в свободных брюках, завязанных черными ленточками на лодыжках, над ботинками вроде тех, что носили бойцы на Арене 13. Из-за стянутых в узел волос ее лицо казалось суровым и угловатым.

– Это моя младшая дочь Квин, у нее привычка опаздывать к столу, – Тайрон посмотрел на дочь долгим изучающим взглядом. – Квин, это мой новый ученик Лейф.

Квин даже не потрудилась изобразить улыбку, уставившись на меня жесткими, враждебными карими глазами. К своему удивлению, я увидел на ее левой щеке шрам, начинавшийся под глазом и тянувшийся до краешка рта. Хотя шрам не портил ее лица, его черты (в общем, привлекательные) искажал гнев: мое присутствие ее взбесило. Но, в отличие от двух учеников, она хотя бы не притворялась.

В этой комнате находились три человека, которые не хотели, чтобы тут был я.

После ужина я, следуя распоряжению Тайрона, отправился вслед за Палмом и Дейноном вверх по лестнице в нашу спальню.

В длинной узкой комнате стояли в ряд три кровати, рядом с каждой был маленький комод, на котором мерцала свеча, а слева – окно с уже задернутыми длинными зелеными занавесками.

– Это моя кровать, это кровать Дейнона, а там твоя, – сказал Палм, показав на дальнюю от окна постель.

Рядом с ней была еще одна, закрытая, дверь, и я заметил, что в ней есть замочная скважина, но ручки нет.

И еще кое-что привлекло мое внимание – картина в раме над кроватью Палма. На картине изображалась сцена на Арене 13: на переднем плане лицом к нам

стоял боец, а за его спиной – лак. Человек широко раскинул руки, в которых поблескивали мечи, лак держал мечи под углом в сорок пять градусов, поэтому вместе они походили на одно создание с четырьмя руками – могучее, опасное единое целое, бросавшее мне вызов.

– Тебе нравится? – спросил Палм. – Я заплатил за нее художнику кучу денег. Знаешь, кто это? – Он показал на бойца.

Я покачал головой.

– Это Мэт, великий герой Арены 13. Он победил Хоба пятнадцать раз!

Уставившись на картину, я сглотнул: во рту у меня пересохло. Внезапно мне показалось, что я вот-вот упаду, поэтому я пошел к своей кровати и сел на ее край. И как только уселся, меня окатила волна слабости – путешествие сюда и адреналин прошедшего дня наконец-то дали о себе знать. Но мои товарищи по комнате явно не собирались давать мне выспаться: они смотрели так, словно ожидали, когда я заговорю. А я не мог придумать, что сказать, поэтому молчание затянулось.

– Откуда ты родом? – наконец спросил Палм.

– Я жил к югу от Майпосина.

– Да, по твоему виду и произношению ясно, что ты из южной глубинки.

У него был четкий, отрывистый выговор северянина. Мое первое впечатление подтвердилось: в каждом его слове звучало превосходство. Палм имел в виду мой акцент с растянутыми гласными и более темный цвет кожи, за которые, судя по выражению его лица, меня стоило пожалеть.

– Чем занимался твой отец? – спросил он.

– Он был фермером.

– Моему отцу принадлежит одна из самых больших ферм к северу от Джиндина, – Палм сказал это так, будто мне не поверил. – Я собираюсь

сражаться позади триглада, и Тайрон пообещал, что сам задаст моим лакам шаблон. Он уже начал над ними работать. Три лака должны быть готовы через несколько недель – у меня еще много времени, чтобы поупражняться перед ТУ. Тебе что-нибудь известно о ТУ?

Мальчишка явно демонстрировал, насколько он опытней меня. Я не нуждался в его рассказах, но покачал головой – честность лучше всего.

– Это то, что мы называем Турниром Учеников. В нынешнем сезоне состоится турнир для всех учеников, и я собираюсь на нем победить. Хотя ты здесь новенький, тебе тоже придется записаться. Собираешься сражаться в позиции «мин»?

Я кивнул. При некоторых его словах слышалось тихое щелканье – у него что, не все в порядке с челюстью?

Палм снова кинул на меня полный жалости взгляд.

– Дейнон тоже, – сказал он, ухмыльнувшись второму мальчику. – Но победить триглад трудно, поэтому тебе лучше привыкнуть к роли побежденного... Дейнон может тебе все об этом рассказать.

Внезапно он встал, подошел к стене и приложил к ней правую руку над изголовьем моей кровати.

– Горячая! – громко объявил он, снова ухмыльнувшись. – Иди сюда, Лейф, потрогай и скажи, что ты об этом думаешь!

Я видел, что это какой-то трюк, но мне пришлось подыграть. Я знал, что буду проводить много времени с Палмом и Дейноном, поэтому не хотел во время первого знакомства показаться недружелюбным; мне нужно было вести себя по возможности мирно и поладить с ними.

Я встал, сделал шаг и приложил ладонь к стене, как это только что делал Палм.

– Что скажешь? – спросил он. – Я прав или нет?

Деревянная стена была тепловатой, и только.

Но прежде чем я ответил, Палм задал еще один вопрос:

– Как по-твоему, почему она такая горячая?

Я пожал плечами.

– Потому что в соседней комнате спит девчонка, вот почему, – ответил он. Его ухмылка стала еще шире. – Из-за нее стены горят!

– Кто она такая? – спросил я. – Что за девчонка?

– Ой, да Квин, конечно, младшая дочь Тайрона. Что думаешь о ее шраме?

– Как она его получила?

– Квин с ума сходит по Тригу и без усталости тренируется. Само собой, это пустая трата времени, потому что женщинам не разрешают принимать участие в боях – они не могут даже ступить на арену. Но ей хоть кол на голове теши – она упражняется так, будто и вправду верит, что ей позволят сражаться. Просто бред собачий. В общем, однажды она спустилась в подвал и активировала лака. К тому же не обычного тренировочного, а лака, которого готовили к Арене 13. Она сражалась с ним на мечах и чуть не потеряла глаз. К счастью для нее, Тайрон спустился вниз как раз вовремя, чтобы спасти ей жизнь, не то бы ей конец!

Палм все еще улыбался, и я начал багроветь. Что смешного в том, что кого-то чуть не убили? Я был сконфужен и зол. Все, что наговорил Палм, казалось одной длинной шуткой в мой адрес. И почему Дейнон все время молчит, – ему что, нечего сказать? Его молчание начало меня раздражать.

Внезапно кто-то громко стукнул в стену над моей кроватью, потом еще раз и еще.

– Я – номер один, Дейнон – номер два, а ты – номер три. Три удара – значит, ты! – весело закричал Палм. – Квин вызывает тебя, и лучше не заставляй ее ждать.

Я изумленно уставился на него.

– К чему такой несчастный вид? – подколот он. – Квин может быть забавной. И если хочешь ладить с Тайроном, ты должен ей угодить. На людях она часто спорит с отцом, потому что ей нравится изображать бунтарку, но поверь – они очень близки. Будешь ей перечить – вылетишь отсюда!

Я встал.

6

Квин

Ее ноги упражняются в шаркающих шагах медника, подсмотренных на улице.

Как водомерка скользит по ручью, ее разум скользит по тишине.

Сборник старинных сказок и баллад

Ключ повернулся в замочной скважине, и я увидел, как дверь рядом с моей кроватью медленно открылась, впустив в комнату полосу желтого света свечи.

Я почувствовал на себе взгляды Палма и Дейнона.

– Иди, не заставляй ее ждать. Разозлить Квин легче легкого! – сказал Палм.

Мгновение я колебался. Квин что, тоже шутит, и вскоре вся троица будет надо мной потешаться?

Я решил подыграть. Невелика важность! Это наверняка всего-навсего небольшой розыгрыш; должно быть, какой-то ритуал посвящения, через который проходят все новички. Итак, все еще чувствуя себя глупо, я подошел к двери, открыл ее пошире и шагнул в соседнюю комнату.

- Ты не торопился! - рявкнула Квин.

Было видно, что она злится. Она прошла мимо меня, закрыла дверь и снова повернула ключ в замке.

Я взглянул на ее сердитое лицо, потом быстро осмотрел комнату, ничуть не похожую на комнату девчонки. На стене над кроватью красовалась пара скрещенных клинков, а дальняя стена была увешана рисунками, явно изображавшими Арену 13. Рисунки сразу привлекли мое внимание, и я подошел, чтобы получше их рассмотреть.

- Как здорово! - сказал я. - Ты сама это нарисовала?

Квин кивнула. Улыбка озарила ее лицо, и внезапно мне показалось, что передо мной совсем другая девочка - не та, что зверем смотрела на меня за обеденным столом. Во-первых, теперь на ней было платье - облегающее фиолетовое платье, обтягивающее ее как вторая кожа. Оно было короткое, едва прикрывающее колени, застегнутое спереди на маленькие кожаные пуговицы; длинные рукава спускались почти до кончиков больших пальцев. Квин распустила волосы, из-за чего ее лицо стало мягче. Справа волосы были очень длинными, но слева пострижены намного короче, словно для того, чтобы привлечь внимание к ее шраму.

Но сильнее всего меня поразили ее губы. Не так давно я видел, что женщины на Арене 13 красят губы черным - похоже, такова была здешняя мода. Но Квин покрасила в черный только верхнюю губу, а нижнюю - в ярко-красный, цвет артериальной крови.

Она подошла ко мне совсем близко, ухватила за воротник рубашки и потерла его между большим и указательным пальцами, будто пробуя на ощупь.

Она была так близко, что я почувствовал тепло ее тела и почти ощутил на корне языка запах ее кожи. У меня перехватило дыхание, сердце забило быстрее.

Меня очень влекло к ней, но я стеснялся своей одежды, зная, что от меня разит застарелым потом.

- Ты грязный, - сказала она. - Мне это нравится. Это соответствует действительности. Некоторые парни ходят в рваной одежде и не моются, но только ради рисовки.

- Я путешествовал больше двух недель - шел сюда пешком из Майпосина, - объяснил я. - Твой отец сказал, что завтра найдет мне чистую одежду.

- Досадно, - сказала она. - Старайся не слишком шуметь. У отца чуткий сон, но его комната не выходит на эту лестницу.

Ничего больше не объяснив, Квин вывела меня из спальни, и вскоре я уже на цыпочках спускался по лестнице вслед за ней. Несколько мгновений спустя мы вышли из дома и быстро зашагали по улицам.

- Куда мы? - спросил я.

- Конечно, в Колесо, - ответила Квин. - Куда еще можно здесь пойти в такое позднее время?

Интересно, зачем она меня туда ведет.

- Я недавно был в Колесе, - сообщил я. - Твой отец меня туда провел.

- Я покажу тебе то, чего не показал он. Там есть места, в которых он никогда не был.

Пусть пока покомандует, решил я. Квин хорошо знала город и могла многому меня научить, а мне, в конце концов, нужно было узнать как можно больше.

Солнце уже зашло, и купол Колеса стал невидимым; если бы не шагавшая впереди Квин, мне было бы нелегко найти дорогу. Мы двигались извилистым путем по самым темным и самым узким улицам, по которым, кроме нас, похоже, никто сейчас не ходил. Мне вспомнился Хоб, вспомнилось, чем грозит встреча с ним, и меня охватила тревога.

На перекрестках узких улиц на деревянных столбах с колпаками висели лампы, но, к моему удивлению, их уже погасили. Все что угодно могло наблюдать за нами из темноты. Один раз мне показалось, что я слышу сзади шаги.

Это был единственный город страны Мидгард – но его улицы не освещались, а ведь даже у меня дома, в Майпосине, факелы горели далеко за полночь.

– Не отставай! – окликнула Квин, и я понял, что едва могу разглядеть впереди ее фигурку.

Я припустил бегом и сумел догнать ее прежде, чем она завернула за угол.

– Разве ты не боишься Хоба? – спросил я. Он ведь мог прятаться где угодно, притаившись в тени.

– Может, это тебе стоит бояться, – хихикнула Квин. – Хоб – джинн-перевертыш, способный затеряться среди людей. Осторожней! А вдруг Хоб – это я?

Меня разозлил ее наглый ответ, и я пожалел, что не проявил твердость: не надо было никуда идти с ней.

– Ты считаешь Хоба шуткой? – сердито спросил я.

Квин искоса взглянула на меня и ничего не ответила, продолжая быстро шагать вперед.

Вместо того чтобы направиться к передней двери Колеса, как это сделал Тайрон, она провела меня вокруг, к заднему входу. Возле него собрались люди, и я увидел, что она права: именно сюда приходили ночью жители Джиндина, чтобы пообщаться. Из середины самой большой группы Квин окликнул низкий мужской голос, но она демонстративно не обратила внимания на высокого мускулистого молодого человека на пару лет старше меня. Шагнув вслед за ней в узкую дверь, я увидел, какой у него обиженный и разочарованный вид. Интересно, что между ними произошло?

Едва очутившись в Колесе, Квин повернулась ко мне и сказала:

– Этот уровень находится прямо под аренами. Мы могли бы спуститься и ниже, в Общину, но в такое позднее время там опасно.

– Что такое Община? – спросил я.

– Там держат большинство симулякров. И почти каждую ночь внизу дерутся на палках, заключают серьезные пари и всякое такое. Община огромна, там легко заблудиться. Нужно входить в большую компанию, чтобы тебе там ничего не грозило, – может, попросишь Палма и Дейнона свести тебя с другими учениками?

Я не мог представить, чтобы Палм со мной подружился, и не был уверен, что сам этого хочу. Что же касается Дейнона, тот все время молчал – какая из него компания? Поэтому я ничего не ответил и молча пошел вслед за Квин по длинному широкому коридору, где через каждые двадцать шагов попадались двери. Большинство из них были закрыты, но наконец девочка остановилась возле распахнутой двери, и я уже хотел в нее шагнуть, как вдруг Квин схватила меня за руку и оттащила назад.

– Эй, в чем дело? – удивленно прошептал я.

Но она просто пристально смотрела на меня, как будто я проморгал нечто совершенно очевидное.

Я обвел взглядом большую, скудно освещенную комнату. Похоже, за дверью был какой-то бар, обставленный огромными стульями и коричневыми кожаными диванами. Слуги в фиолетовых куртках хлопотали, поднося посетителям подносы с едой и выпивкой.

– Похоже, дорогое заведение, – заметил я.

– Конечно, дорогое, хотя здешним завсегдатаям оно по карману. Но мы не можем войти туда по другой причине.

В голосе Квин слышался гнев, и внезапно я понял, что это за причина.

– Там нет женщин, – сказал я. Особам женского пола не разрешалось тренироваться профессионально – ни на механиков, ни на бойцов. – Ты что, не можешь войти туда даже как гостя?

– Не могу! – с вызовом ответила Квин. – Скажи-ка, Лейф, как по-твоему – почему женщины не должны сражаться на Арене 13?

Я не находил ответа. Мгновение мы неловко смотрели друг на друга, потом Квин покачала головой, явно негодуя на меня так же, как и на весь остальной мир. Я тщетно старался подобрать нужные слова, а следующий настойчивый вопрос еще больше выбил меня из колеи:

– Что ты думаешь о моем теле?

Я открыл было рот, но не смог выдать ни слова.

– Я усердно трудилась, чтобы оно стало идеальным. Смотри!

К моему удивлению, Квин начала расстегивать пуговицы платья, начиная с той, что была ниже пояса, и поднимаясь от нее вверх. Я быстро взглянул влево, потом вправо: к моему облегчению, никто за нами не наблюдал. Она уже расстегнула три пуговицы и широко распахнула платье, чтобы показать живот.

Я ухитрился кивнуть. Что верно, то верно – «кубики» видны были.

– И я быстрая, – сказала она. – Очень быстрая! Можешь тренироваться хоть целый год, это ничего не даст – я все равно буду быстрее тебя.

Ее глаза горели яростью.

– Может, проверим, так ли это? – не удержавшись, парировал я.

Приподняв брови, она с вызовом бросила:

– Отлично, я – против тебя! Проверим, кто из нас лучше дерется на палках?

– Как хочешь, – ответил я.

Как здорово будет заняться чем-то знакомым!

Но едва я это сказал, как мне вспомнился запрет Тайрона. Тайрон стал моим тренером, значит, мне запрещено драться на палках. Однако мне не хотелось, чтобы Квин сочла меня жалким – я опрометчиво дал согласие, и теперь уже поздно было идти на попятную.

Квин протянула руку, и я колебался всего мгновение, прежде чем ее пожать.

– Значит, договорились, – сказала она. – Но не сейчас.

Я ощутил странную смесь облегчения и разочарования.

– Мы не можем драться нынче ночью. Пошли... Я покажу тебе еще один бар.

И она повела меня вниз по лестнице.

«Бар» оказался скорее похож на подвал, он явно был не таким модным, как тот, что я видел наверху. Здесь собралось не меньше трехсот человек, и где-то стучали барабаны – настойчивый ритм, становившийся то тише, то громче. Под такой барабанный бой поневоле подстраиваешь шаги, так что становится трудно не споткнуться.

Похоже, тут все пили или танцевали – а некоторые занимались и тем и другим. И здесь можно было находиться женщинам: девушка дико кружилась на столе под далекий барабанный бой и хлопки зрителей – так быстро, что едва можно было разглядеть ее ноги. Вот она с воплем ринулась со стола на твердый деревянный пол, как будто ныряя в воду. Ее ловко поймали, а другую пылкую женщину подняли, чтобы та заняла место танцовщицы на столе.

– Купи мне выпивку! – прокричала Квин мне в ухо. Она была так близко, что я снова почти лишился дара речи. – стакан красного вина!

– У меня нет денег, – выдавил я, багровея от смущения.

Это напомнило мне о еще одном правиле Тайрона. Нет, я не должен был сюда приходить! Но здесь было захватывающе интересно, я никогда еще ничего подобного не видел. И все-таки меня не покидала тревога: я не сомневался, что Тайрон рассердился бы, если бы узнал, где я.

Квин подтолкнула меня как ребенка к пустому столику в углу, а сама пробралась к бару. Я сел, и спустя несколько мгновений она вернулась с двумя маленькими стаканами красного вина. Поставив один стакан передо мной, она уселась напротив и поднесла свой к губам. После третьего глотка Квин подалась вперед, и мне пришлось читать по ее губам:

- В чем дело? Почему ты не пьешь?

- Твой отец не разрешает! - закричал я в ответ.

- Один стаканчик тебе не повредит.

Уголок ее рта весело дернулся.

Я пожал плечами. Увидев, что я не притрагиваюсь к стакану, она потянулась через стол, взяла его и поставила рядом со своим. Десять минут спустя оба стакана были пусты, и Квин, встав, бросила на меня один-единственный взгляд и пошла прочь. На мгновение мне подумалось, что она собирается взять еще вина, но, увидев, что она уходит, я быстро последовал за ней в коридор.

Услышав за спиной мои шаги, Квин остановилась и повернулась ко мне.

- Ты не боишься высоты? - спросила она таким тоном, будто я сделал именно то, на что она рассчитывала.

Это что, входит в какой-то глупый ритуал посвящения, через который прошли и Палм с Дейноном, став учениками в доме Тайрона? Я не понимал, что происходит, но Квин почему-то притягивала меня, и не хотелось ударить перед ней лицом в грязь.

- Ну, дома я частенько забирался на деревья, - ответил я, пытаюсь превратить все в шутку.

– Это куда выше деревьев, Лейф. Я собираюсь показать тебе вид с верхушки купола. Следуй за мной... Если не боишься!

Само собой, я пошел за ней. Не мог допустить, чтобы она сочла меня трусом.

Квин провела меня по коридорам, через какие-то двери, открывая запертые изукрашенным ключом. Потом мы начали длинный подъем по лестнице и наконец вылезли через отверстие в потолке в полумрак под высоким куполом Колеса. На лестнице было очень жарко, в воздухе висел густой душный запах пыли и старого дерева. Угнаться за Квин, взбираясь вверх по крутой спирали, было непросто.

Спустя минут пять она остановилась, нетерпеливо оглянулась на меня, и я увидел, что на лбу у нее тоже выступили капли пота. Воспользовавшись остановкой, я посмотрел вниз, в круглый зал над аренами – он лежал далеко под нами, и люди там сновали как муравьи.

– Карабкаться еще долго, но снаружи хотя бы станет прохладней, – поторопила Квин, двинувшись дальше.

Наконец мы выбрались в прохладный ночной воздух ранней весны. Я вздохнул с облегчением, посмотрел вверх и увидел озаряющую город полную луну. Мы продолжали подниматься уже по наружной части купола, где страховкой служили лишь тонкие перила, и в конце концов добрались до макушки: там в небеса глядел сломанный флагшток, похожий на острие копья.

Я обвел взглядом город, дивясь тому, что я на вершине купола Колеса, что меня принял в ученики Тайрон. Уже столько всего получилось, как было задумано... Хотя я быстро напомнил себе, что сделал лишь несколько маленьких шагов по очень длинной дороге.

Высоко вверху все еще кружили грифы, но мой взгляд невольно устремился на запад, где я увидел темное мерцание моря, а еще дальше – часть Великого Барьера, который окружает Мидгард, отрезая его от остального мира. Барьер похож на туманную стену или облако, но его создала не природа. Его воздвигли давным-давно враги рода человеческого; воздвигли после последней битвы с джиннами, уничтожившими Империю Людей.

Квин показала на город:

– Не многим удастся это увидеть.

От панорамы захватывало дух. Час был поздний, улицы, по которым мы шли по пути сюда, – пусты, но я увидел тонкие струйки дыма, поднимающиеся из кузниц, а за грудой деревянных крыш – клетчатый узор загонов для скота. Намного выше бойни парила одинокая морская птица, судя по громадному размаху крыльев – альбатрос. Альбатросы могут летать неделями, не приземляясь; некоторые люди даже верят, что они могут перелететь через Барьер.

Всю жизнь я гадал, что находится за Барьером. Изменяется ли там пейзаж до неузнаваемости? На что похожи джинны и как они создали собственный мир? Чем они занимаются, как живут? Ведь, конечно же, они не все были такими, как Хоб, который охотится на земле Мидгарда, покидая свою цитадель, стоящую на холме над Джиндином.

– Это дворец Протектора, – Квин показала на север, на высокое здание с колоннами у входа. – Единственное не деревянное здание в городе. То крыльцо с мраморными колоннами называется «портик». В Мидгарде нигде нет мрамора, поэтому камень, наверное, доставили сюда с другой стороны Барьера. А где-то за дворцом находятся бараки.

Краешком глаза я увидел, что она пристально смотрит на меня, но, когда я на нее взглянул, Квин отвернулась. Меня странным образом тянуло к ней; может, и ее ко мне тоже тянуло? Интересно, зачем она меня сюда привела...

Мы еще некоторое время молча оглядывали город, упиваясь изумительным видом. Потом Квин показала на запад, где на вершине холма поднималась цитадель из камня и бронзы. Тринадцать бронзовых шпилей разной высоты блестели в свете луны, некоторые были странно изогнуты. Квин ткнула в ту сторону пальцем.

– Знаешь, что это такое? – спросила она.

Я знал, что это такое (все знали), но не ответил. Я хотел услышать ответ от жительницы города.

– Цитадель Хоба, – прошипела Квин. – Логово джинна, который терроризирует город!

Да, я знал о Хобе все. Это было целью моей жизни – узнать о нем как можно больше.

– Отвечу на твой недавний вопрос: нет, я не считаю Хоба шуткой, – с сердцем сказала Квин. – Но приходится смеяться и шутить, иначе страх сведет тебя с ума. Разве ты не видишь? Зимой, в темные часы, люди сидят по домам, заперев двери на засов. Ну а я – нет. Я делаю все наоборот: выхожу на улицу! Это действительно опасно, Лейф. Убийства здесь в порядке вещей. Хоб убивает людей и пьет их кровь. Девушки исчезают, иногда на несколько недель, и возвращаются вроде бы невредимыми, но с полностью стертым разумом, – как у лака, только что полученного у торговца. Они забывают обо всем; некоторые больше не умеют говорить.

Ужас ее слов наполнил меня гневом. Мои руки вновь начали дрожать.

– Хоб крадет их души. И люди имеют право бояться, но все, что они делают – это прибегают к суеверным ритуалам, помощи от которых никакой. Фермеры обрызгивают заборы вокруг своих земель свиной кровью, чтобы не подпустить Хоба. Некоторые горожане верят, что он боится ежевики, и прибавляют ее колючие ветви к своим дверям.

Я ничего не сказал – просто ждал, когда Квин продолжит. У меня перехватило дыхание, я сжал кулаки.

– Что? Язык проглотил? Тебе нечего сказать?

– Может, я и новенький в городе, но я знаю, кто такой Хоб... – Я сделал глубокий вдох, чтобы голос звучал ровно. – Он терроризировал людей и на таком далеком юге, как Майпосин. Там он тоже убивал.

– Могу я кое о чем спросить? – произнесла Квин.

Я кивнул.

- Зачем ты сюда пришел? Рассчитываешь биться на Арене 13, так?

- Конечно. Я хочу этого больше всего на свете. Поэтому я и покинул Майпосин.

- Ты должен знать, что для бойца Арены 13 Хоб опасней всего. Отец не всегда говорит это новичкам, но, думаю, тебя предупредили: время от времени Хоб является на арену и бросает вызов бойцу «мин». Он предлагает громадную ставку, и игорные дома бывают вынуждены ее принять. В наши дни Хоб всегда побеждает, и проигравшего, живого или мертвого, доставляют в его логово, после чего боец исчезает навсегда. Однажды это может случиться и с тобой. Ты все еще хочешь там сражаться?

Если уж на то пошло, рассказ Квин еще больше укрепил мою решимость:

- Да, я все еще хочу сражаться на Арене 13. Меня не остановит опасность, не остановит Хоб.

- Я чувствую то же, что и ты, - сказала Квин. - Вот бы и я могла там биться!

7

Легкое разочарование

«Стек» - термин, означающий последовательность кода Ним.

Шаблонщик может добавить что-нибудь к этой последовательности или, наоборот, что-то убрать из нее. Новый код всегда добавляется сверху стека.

Руководство по языку Ним

Мы покинули купол Колеса, но спустились лишь до площадки лестницы, а потом Квин провела меня через другую дверь.

– Сейчас мы на крыше тринадцати арен, – сказала она, обведя рукой необъятный круглый зал.

Я увидел гигантский деревянный столб, торчащий в центре и теряющийся в темной необозримости купола высоко над нашими головами.

– Его называют «Ось», – Квин показала на громадный столб. – Он центр Колеса, а кое-кто говорит, что и центр всего Мидгарда.

К грандиозному столбу были пришпилены бумажки, исписанные именами и цифрами.

– Это Списки? – спросил я, когда мы двинулись к Оси.

Я вспомнил слова Тайрона о том, что Списки вывешивают на этом этаже.

– Да, – ответила Квин. – Каждую неделю сюда приносят новые. Здесь расписан порядок боев на эту неделю – первую в нынешнем сезоне Арены 13. Кое-какие вызовы делаются публично, а другие вывешиваются здесь властями, которые решают, кто с кем должен сражаться, исходя из ранга бойцов. Посмотри сюда.

Она показала на листок, обведенный толстой черной каймой, где значилось всего два имени.

– Кайма говорит о бое насмерть – он закончится тем, что кто-то лишится головы или будет изрублен на куски!

– Я уже видел такой бой, – ответил я, качая головой. – Поверить не могу, что они так поступают. Бессмыслица какая-то!

– Некоторые люди глупы, – процедила Квин. – Бой насмерть случается два-три раза за сезон. Тебя невзлюбил кто-то из бойцов Арены 13 и вызывает сражаться насмерть; если примешь вызов – рискнешь жизнью. С этим связан еще один запрет моего отца: никому из его бойцов не разрешается сражаться насмерть.

По-моему, это одно из хороших правил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/dzhozef-dileyni/arena-13-krov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)